

УДК 82-14

DOI 10.52928/2070-1608-2023-68-3-13-16

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ В ЛИРИКЕ М. БОГДАНОВИЧА И В. БРЮСОВА

С.Г. ВАСИЛЬЕВА

*(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)**e-mail: svetlasha_zyatewa@mail.ru*

Статья посвящена компаративному анализу интимной лирики М. Богдановича и В. Брюсова с акцентом на особенностях философии любовного чувства в избранных произведениях указанных поэтов. Материалом для анализа стала любовная поэзия М. Богдановича и В. Брюсова. Основными методами исследования являлись сравнительно-исторический и идейно-композиционный анализ.

*В результате компаративного литературоведческого анализа выбранных произведений, можно прийти к выводу о специфике авторского видения любовной темы М. Богдановичем и В. Брюсовым. Из осмысления творчества М. Богдановича и В. Брюсова следует, что белорусского поэта больше привлекала интерпретация *agape*, а Брюсова – эроса, оба поэта обращаются к классической антитезе «любовь – смерть», разрабатывая свою концепцию любви.*

Ключевые слова: *лирика, М. Богданович, В. Брюсов, философия любви, компаративный анализ, символизм.*

Введение. Актуальность работы обусловлена тем, что на протяжении всей истории Античность была кладдезем идей для деятелей искусства. Литература и философия всегда тесно соприкасались, черпая идеи для развития друг у друга. Чтобы наиболее полно охарактеризовать лирическую поэзию М. Богдановича и В. Брюсова, необходимо уделить внимание тем разновидностям любви, которые определены философами Античности.

Цель данной работы – выявить особенности интерпретации любовной тематики в поэзии М. Богдановича и В. Брюсова на примере избранных стихотворений. Для достижения цели статьи следует решить следующие задачи: ознакомиться с лирикой В. Брюсова и М. Богдановича, а также с исследованиями, посвященными данной теме, дать характеристику образному миру лирических стихотворений и проанализировать специфику видения В. Брюсова и М. Богдановича любовной темы.

Материалом для анализа стала поэзия М. Богдановича и В. Брюсова, основными методами исследования – сравнительно-исторический и метод идейно-композиционного анализа художественного произведения.

Основная часть. Первые попытки осмыслить любовь ученые приписывают древнегреческому философу Платону, именно в его работах появляется понятие «эрос» и до него так подробно понятие «любовь» никто не рассматривал. Трактат «Пир» древнегреческого философа интересен тем, что он дает разграничения духовной и телесной любви, указывает на несинонимичность слов «любимый» и «возлюбленный», рассуждает о том, как проявляется любовь, что является начальным у божества Эроса: прекрасное или безобразное, добро или зло. Таким образом, любовь по Платону – это путь не всегда к прекрасному, но стремление к нему, а так как любовь и благо – взаимозаменяемые чувства, то любовь представляет собой одно из высших пониманий счастья, достижение которого возможно тогда, когда человек стремится полюбить и освободиться от своей эгоистичности-независимости путем осознания дара Эроса. Осознание этого приводит ищущего к «деторождению», это обозначает не просто физиологический процесс, а духовную зрелость и состоятельность в умственном плане. Следовательно, стремящиеся любить идут по пути к вечному: прилагают усилия для продолжения собственного начала, своего рода. И тот, кто на протяжении долгого времени не теряет веру в прекрасное, наконец-таки достигает бессмертия и получает любовь богов. Но истина все же находится посередине: каждое наслаждение должно иметь какие-либо ограничения и лишения, но никоим образом не переизбыток.

Понятие любви у Аристотеля представляет собой веру в блаженство тела. В отличие от Платона, который не отрицал возможности телесной любви, но все-таки говорил о попытке ограничения личности в чувственном аспекте, Аристотель считал, что любовь берет начало из сексуального сладострастия, однако данная предпосылка не является единственной в своем роде. Любовь как сладострастие не представляет собой нечто отрицательное, выступающее на стороне зла, а только один из вариантов реализации личности, души. Также у Аристотеля осмыслиется образ матери, вместе с этим позиционируется любовь другого рода: любовь как выражение заботы, покровительства.

У древних греков эрос – это, прежде всего, любовь как влечение, без фатальных результатов, обременяющих ошибок, эрос – просто страсть человека. Однако понятие «эрос» употреблялось не только как синоним Бога, есть и другая семантика данного понятия. Например, у Гомера слово «эрос» используется в значении «желание». Таким образом, эрос – это страсть, желание, природные влечения человека.

Как только христианство получило свое развитие и стало представлять одну из основных религий, оно внесло новые веяния в духовное осмысление жизни. Раньше любовь была связана с какими-то объектами: любили за красоту, за заслуги, за достижения. В христианстве античная схема любви перестает работать. Религия учит любить только потому, что человек существует на Земле.

С появлением рыцарства в литературе возникает понятие куртуазной любви. Прекрасный рыцарь не только должен быть воплощением доблести, отваги и смелости, но и образованным, изысканным и, конечно, иметь свой идеал любви. В литературе появляется ориентация на изображение интимных чувств человека. Женщина, она же

прекрасная дама, становится объектом поклонения. Поэт выступает одной из основных фигур при королевском дворе или дворе влиятельного аристократа. Произведениям о любви того времени присуща легкость, аристократичность, изысканность мысли и стиля. Не ускользает от подробного описания и внутренний мир лирических героев, чувствуется влияние античных произведений, но эпоха Средневековья привносит свои изменения в язык повествования, появляется склонность к монологизации, автор внимателен к деталям.

Литература периода Возрождения воспеваает божественную любовь, Франческо Петрарка одним из первых в сонетах описал недостижимый образ любви человека и благословил твердую формулу сонета на долгую жизнь: *«Мастером, который довел эту популярную форму до невиданного блеска, явился Франческо Петрарка, создавший только в составе «Книги песен» более трехсот сонетов»* [1, с. 9]. Возлюбленная Лаура – центральный образ лирики итальянского поэта: *«Мне стыдно иногда, что до сих пор / Я ваших чар стихами не приветил, / Хотя со дня, как вас впервые встретил, / Прекрасней никого не видел взор»* (перевод А. Эфроса) [2, с. 41]. Руководствуясь историческим экскурсом, В. Брюсов пишет цикл стихотворений «Италия эпохи Возрождения», состоящий из двух сонетов «Сонет в духе Петрарки», «Сонет в духе XIV». В XVI–XVII вв. понимание любви меняется. Главенствующими понятиями в культуре начинают выступать верность, преданность одному объекту любви. При этом душа не имеет разделения на мужское и женское. Восемнадцатый век ознаменован провозглашением женского великолетия, популярен культ телесной красоты.

В российской философии теории любовных отношений стали по-настоящему уделять внимание лишь в XIX – начале XX вв. Было написано множество трудов, которые полностью компенсировали прежнее «молчание» русских исследователей. Западные философы (например, экзистенциалисты) различают две основные формы любви: *агапе* и *эрос*. В русской философии оставались популярными философские взгляды на любовь Платона, утверждалось, что истинная любовь основана на внимании к интересам другого человека, милосердии, сострадании, сочувствии. Сторонниками первого варианта были В. Соловьев, З. Гиппиус, Н. Бердяев и другие, а второго, дополненного временем, – И. Ильин, С. Булгаков, П. Флоренский. В философии всеединства Владимир Соловьев доказывал важность синтеза искусства и религии [3]. С течением времени его последователи, углубляясь в религиозно-философскую мысль, сформировали *триадологию любви*, основанную *«на соединении Божественной и человеческой природы во Христе, идеи человека как образа и подобия Божия»* [4]. Человечество не может без любви, а сама любовь не может быть конечным результатом, она *«бесконечный путь, путь преодоления себя и обретение ближнего, путь борьбы с самим собой, путь единственный, но соборный, путь не к себе, но к Богу и поэтому путь становления богоподобной личности»* [4].

Работы Владимира Соловьева, основанные на осмыслении любви, вдохновляли Валерия Брюсова, притом что сам В. Соловьев невысоко отзывался о символистах, о чем свидетельствует его саркастическое стихотворение «Пародии на русских символистов» (1895 г.). Автор отождествил любовь и страсть и утверждал, что страсть часто приводит к трагическим последствиям. Он выделял три вида любви: нисходящую, восходящую и половую. Подчеркивал двойственную природу любви, на что откликнулся В. Брюсов: *«Я люблю тебя и небо, только небо и тебя, // Я живу двойной любовью, жизнью я дышу, любя»* [5, с. 97]. В. Соловьев осуждал эгоизм, полагая, что он присутствует во всем, с чем сталкивается человек, любовь в этом отношении не составляет исключения.

В трактовке любви философия В. Соловьева была близка и М. Богдановичу. Его лирический герой «растворяется» в любовных коллизиях, сочувствуя мукам матери, сердечным страданиям. Стихотворение «На могилках» повествует о любви, пережившей смерть: *«І ціха думаў я: быць можа, / Любоў, палегшы у трунах, / Перамагла і смерці жах!»* [6, с. 201]. Амур с повязкой на глазах олицетворяет любовь, очевидно, что здесь автор хотел рассказать не о «слепой» любви, которая способна идеализировать возлюбленного. В мире нет ничего перманентного, возможно, что именно чувства вечны, им не страшна даже смерть: *«Но смерть не побеждает жизнь, потому что жизни помогает любовь ...»* [7, с. 46]. В стихотворении «Пачуццю цёмнаму падлеглая» М. Богданович пишет о трагизме женской судьбы как расплаты за любовь: *«І ведаеш, табе мучэньні / І нават мо канец жыцця / Сабой накліча пры раджэньні, / Ірвучыся на свет, дзіця»* [6, с. 133]. Это своего рода «диаволический дискурс», который так любили символисты и о котором говорит исследователь А. Ханзен-Лёве: *«Все данное в имманентности посястороннего, все то, что тщилось быть символизированным, должно быть разоблачено, то есть обесценено – и обесценено посредством отрицания, переворачивания, аннигиляции, то есть посредством «диаволизации» на мотивно-тематическом уровне; или же все это (как потустороннее, так и посястороннее) может быть в своей фиктивной «призрачности» подвергнуто «обезязычиванию» (то есть происходит нарушение, ослабление или распад референтной функции речи вплоть до антикоммуникации и молчания)»* [8, с. 57–58]. Единство реального мира и скрытого М. Богданович акцентирует в последней строфе: *«Таксама без надзей да спыну / У пропасць чалавек ляціць / І скванна ўніз, на дно страмніны, / З салодкай жудасцю глядзіць»* [6, с. 133].

Весь цикл «Каханне і смерць», за исключением нескольких стихотворений, окрашен трагичностью, чаще всего именно с деторождением писатель связывает тёмную сторону любви. Так, любовь у М. Богдановича («На могилках») и у В. Брюсова («Снова», «Слова тоскующей любви») – это способ выражения, как и у европейских символистов, идеи неоднозначности, порой амбивалентности, явлений: то, что должно было привести к позитивному, выливается в негативное: *«Смерть, вырастающая из страсти витального и эстетического творчества, – это «смерть в любви» («Пурпур бледнеющих губ...», Брюсов, I, 84; «Красота и смерть неизменно одно...», там же) или «смерть в искусстве» («...И умерший миг в искусстве / Беспредельной жизнью дышит», Брюсов, I, 584) – противопоставлена «любви к смерти», эротизации Танатоса (плоть до некрофилии), которую еще современники отмечали как особенно заметную черту декадентства...»* [8, с. 355].

Стихотворений, посвященных материнской любви, у В. Брюсова не так много («У колонны», «Одна», «Матери на именины», «У земли»). М. Богданович часто воспевае любовь матери: *«I души мацярэі нас могуць чараваці; / Вышэйшая краса – ў іх злітнасці жывой»* [6, с. 122]. Поэт использует антитезу и одновременно отождествление, сопоставляет испачканную деревенскую девчонку с Мадонной, подчеркивая чистоту женской доброты, материнской любви. Такого рода любовь древние греки характеризовали словом «агапе». В. Брюсов также обращается к образу «Матерь-Девы»: *«Матерь бога пресвятая, / Ты сумеешь мне помочь»*. В посвященном Богоматери мадригале «Мой Маяк» русский поэт использует рефрены 1-й, 4-й, 7-й («Мой милый маяк, моя Мария»), и 2-й, 8-й строчки («Мечтам марцаюций маяк»). Стихотворение напоминает молитву, создавая образ страха моряка путем световых (мерцающий маяк), акустических (молчаньем манит) и цветовых (марева морские, мутный мрак) примет, к концу показывая уверенность в защите Богоматери. В современном понимании агапэ трактуется не просто как понимание возвышенной, идеализированной любви, а как любовь Бога к человеку либо как материнская любовь.

Однако агапэ и эрос схожи друг с другом тем, что это наивысшее выражение любви. Как известно, в древнегреческом языке было много слов для обозначения разных видов любви: «людус», «мания», «прагма», «сторге», «филия». В цикле «Эрос» М. Богданович описывает именно эту форму любви – любви-страсти: *«I ўраз згадаў мне рад уздыхаў прыглушонах, / I мук любоўных крык, / I цела гібкага шалёнасць, ізвінанне, / I п'яны, душы нах...»* [6, с. 154]. В. Брюсов в стихотворениях «Тишина», «Неизбежность», «Благословление» также пишет об эросе: *«Сладострастные тени на темной постели окружили, легли, притаились, манят...»* [5, с. 45]. У обоих поэтов страсть имеет негативную окраску, но есть стихотворения, где В. Брюсов восторгается ею («После ночи», «Перед тобою я»), считая её неотъемлемой частью любви.

Христианская религия акцентирует внимание на необходимости верности объекту любви, резко осуждая прелюбодеяние. Лирический герой М. Богдановича сокрушается изменой любимой: *«I каханачка – ды няверная. / Пакахала – як яхант даравала. / Яхант-камень – сэруу ён на сараванейка, / Прападаю праз каханейка»* [6, с. 243]. Любовь для лирического героя – драгоценный камень, неверная возлюбленная вспоминается без осуждения. У В. Брюсова измена в любви предстает как достаточно обычное явление, где один из любящих страдает: *«Я изменил – но ты не изменила, / Лишь отошла, поникнув головой, / Когда меня смутила злая сила»* [5, с. 156]. Главный герой сокрушается о совершенной ошибке, поведение возлюбленной – немой укор его поступку.

В стихотворении М. Богдановича «Першая любоў» любовь репрезентирована как чувство, дающее человеку смысл жизни: *«Іду я радасны, харошы, / Знікае с сэраца пуста...»* [6, с. 189]. В. Брюсов также подчеркивает незабываемость встреч героя с возлюбленной. В стихотворении «Первые встречи» (обращаясь к множественному числу поэт подчеркивает неоднократность таких событий, что отличает его от возрожденческой концепции Петрарки и Данте преданности одной Даме) его лирический герой признаётся: *«Как любил я, как люблю я эту робость первых встреч, / Эту беглость поцелуя и прерывистую речь!»* [5, с. 179]. Работая с антитезой любовь – страсть В. Брюсов показывает губительную силу любви в отличие от Богдановича, у которого любовь светлая, восторженная, непобежденная смертью.

Особенность культуры Средневековья – поэтизация человеческих страданий. Символисты любили обращаться к этому историческому периоду, В. Брюсов и М. Богданович также не проигнорировали его. Определение куртуазной любви толковалось средневековыми авторами как «кистинная» любовь. Восьмистрочное стихотворение «Триолет» М. Богдановича выдержано в классических канонах: 1, 2 и 7, 8 строчки в точности повторяются («Мне доўгае расстане з Вамі / Чарней ад Ваших чорных кос» [6, 202]). Раскрывая мотив страдания, автор «Венка» синтезирует краски («черные косы», «я побледнел») и звуки («горькие слёзы», «начал словами»). В поэзии Европы триолет считался салонным видом стихотворения. В XX веке к актуализации твердой формы были причастны символисты. Примечательно, что Е.В. Бублик (2017), перечисляя известных символистов, обращающихся к триолетам (Мирра Лохвицкая, В.Ф. Ходасевич, К.А. Липскеров, К.Д. Бальмонт, В.И. Иванов, В. Я. Брюсов) упоминает и Максима Богдановича.

Сонеты, посвященные любви, вдохновляли не только представителей литературы, оседая в музыке, живописи. М. Богданович и В. Брюсов вкладывали в сонетную форму свои идеи. Среди учителей-кумиров белорусского поэта О.И. Федотов и А.О. Шелемова называют Горация, Овидия, Данте, Шекспира, Шиллера, Гейне, Пушкина, Фета, Верхарна, Верлена, Брюсова и Блока, имея в виду не только переводческую деятельность, но и частое использование поэтом эпиграфов в виде ссылок на авторитетных классиков мировой литературы (Данте и Петрарка). Для нас важно упоминание фамилии символиста Брюсова: *«Особый интерес вызывают сонеты Богдановича, написанные в пору повального изучения этой жанрово-строфической формой в русской литературе»* [7, с. 39]. В книге О.И. Федотова «Сонет серебряного века» представлены 38 сонетов, посвященные любви, известным историческим личностям (в частности есть «Сонеты в духе Петрарки», «Итальянский сонет в духе XIV в.»). У В. Брюсова в стихотворении «Предчувствие» любовь ассоциируется со смертельным ароматом, ящерами, удавами: *«День проскользнет. Глаза твои смежатся / То будет смерть. А саваном лиан / Я обовью твой неподвижный стан»* [5, с. 44]. Такой оттенок трагичности соответствует концепции создания символического образа.

Заключение. Осмысление любви античными философами стало основой для поэтов разных эпох. Классификация видов любви, предложенная древнегреческими авторами, остаётся актуальной и для нашего времени. Свообразно идеи философов античности проявились в творчестве крупных поэтов начала XX века – Валерия Брюсова и Максима Богдановича. Компаративный анализ избранной лирики представителей символизма позволяет говорить о том, что М. Богдановича больше привлекало осмысление агапе, а В. Брюсова – эроса. При осмыслении любви оба поэта обращаются к классической антитезе «любовь – смерть», разрабатывая свою концепцию

любви в теории символического дискурса. Экспериментируя с темами, обращаясь к историческому экскурсу развития понимания любви, они показали нам мастерство освоения классических форм сонета, увлекаясь не только общепризнанными твердыми формами, но и осваивая редкие лирические жанры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сонет серебряного века: рус. сонет конца XIX — нач. XX вв. / Федотов О.И. сост.; сост., вступ. ст. О.И.Федотова. — М.: Правда, 1990. — 768 с.
2. Петрарка Франческо Канцоньере; Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру; Книга писем о делах повседневных; Старческие письма. — М.: РИПОЛ классик, 2002. — 736 с.
3. Соловьев В. Смысл любви / В. Соловьев / сост. В.А. Романец. — Киев: Лыбидь — АСКИ, 1991. — 64 с.
4. Павенков В.Г., Павенков О.В. Триадология любви П.А. Флоренского и С.Н. Булгакова [Электронный ресурс] // *Studia Humanitatis*. — 2015. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/triadologiya-lyubvi-p-a-florenskogo-i-s-n-bulgakova>. (дата обращения: 31.01.2021).
5. Брюсов В.Я. Избранные сочинения / сост., вступ. статья и примеч. А. Козловского. — М.: Худ. лит-ра, 1980. — 574 с.
6. Багдановіч М. Зорка Венера: творы / уклад і прадм. А. Клышкі. — Мінск: Маст. літ., 1991. — 462 с.
7. Федотов О.И., Шелемова А.О. Сонеты Максима Богдановича // *Вестн. Росс. ун-та дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика*. — 2015. — № 4. — С. 39–49.
8. Ханзен-Лёве, А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / Пер. с нем. С. Броммерло, А.Ц. Масевича, А.Е. Барзаха. — СПб.: «Академический проект», 1999. — 512 с.

Поступила 20.10.2022

THE PHILOSOPHY OF LOVE IN THE LYRICS OF M. BOGDANOVICH AND V. BRYUSOV

S. VASILYEVA

(Vitebsk State University named after P.M. Masherov)

The article is devoted to a comparative analysis of the intimate lyrics of M. Bogdanovich and V. Bryusov with an emphasis on the peculiarities of the philosophy of love feeling in the selected works of these poets. The material for the analysis was the love poetry of M. Bogdanovich and V. Bryusov. The main research methods were comparative-historical and narrative and compositional analysis.

As a result of comparative literary analysis of the selected works, it is possible to come to the conclusion about the specifics of the author's vision of the love theme by M. Bogdanovich and V. Bryusov. From the understanding of the works of M. Bogdanovich and V. Bryusov it follows that the Belarusian poet was more attracted by the interpretation of agape (unconditional love), and Bryusov – eros. Both poets turn to the classical antithesis "love - death", developing their own concept of love.

Keywords: lyrics, M. Bogdanovich, V. Bryusov, philosophy of love, comparative analysis, symbolism.